

УДК 811.161.1

Зайцева И.А.

Московский государственный областной университет

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИИ ПРАСЛАВЯНСКИХ ЛЕКСЕМ
В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ)**

I. Zaytseva

Moscow State Regional University

**STYLISTIC CORRELATION PRASLAVIC TOKENS IN MODERN SLAVIC
LANGUAGES (ON THE BASIS OF RUSSIAN AND CZECH)**

Аннотация: В статье анализируются стилистические изменения праславянских имён существительных, сохранившихся в современном русском языке, в сопоставлении с близкородственным чешским языком. Билингвальное исследование даёт возможность установить специфические особенности русского языка с точки зрения функционирования в нём праславянского словника. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что стилистические изменения праславянской лексики относятся к языковым универсалиям, но характер стилистического развития общеславянских лексем национально специфичен, что и ведёт к лексико-стилистической асимметрии современных славянских языков в использовании праславянского лексикона.

Ключевые слова: праславянская лексика, стилистические изменения, стилистические корреляции, активный и пассивный запас.

Установление характера, а также причин стилистических изменений праславянской лексики – актуальная проблема для современного языкознания. Такого рода анализ стилистических трансформаций праславянских имён существительных, сохранившихся в современном русском языке, будет более полным и объективным, если его представить в билингвальном аспекте: в сравнении с другим славянским языком. Установление стилистических корреляций праславянских лексем в современных славянских языках даёт возможность выявить основные тенденции развития праславянской лексики, а также установить специфические особенности русского языка с точки зрения функционирования в нём праславянского словника. Ещё Ш. Балли подчеркивал, что необходимы стилистические сопоставления родственных языков для того, «чтобы выявить в первую очередь сходные черты, а затем и различия» [1, с. 42]. Французский лингвист был уверен, что наблюдения над другими языками дают возможность в ином ракурсе взглянуть на свой родной язык, глубже осознать его экспрессивно-стилистические возможности.

Abstract: The paper analyzes the stylistic changes in Praslavic nouns preserved in the modern Russian language, in comparison with the closely related Czech language. Bilingual study gives the possibility to set specific features of Russian language in terms of functioning of Praslavic vocabulary in it. The author concluded that stylistic changes in Slavonic languages are language universals, and the nature of the stylistic development of Common Slavonic lexemes is nationally specific, which leads to lexical-stylistic asymmetry in the modern Slavic languages in the use of Praslavic lexicon.

Key words: Praslavic vocabulary, stylistic changes, stylistic correlation, active and passive vocabulary.

Интересным фоном для сопоставления с русским языком представляется близкородственный чешский язык, который, с одной стороны, весьма близок русскому языку в плане лексикона, с другой – представляет собой характерную оппозицию русскому. Нельзя не отметить, что различия по стилистической стратификации лексики в русском и чешском языках весьма ощутимы. Так, в русском языке обнаруживается такое специфическое генетико-стилистическое явление, как пласт славянизмов, а в языке чешской художественной литературы – сложные взаимоотношения разговорных и литературных элементов, обусловленные длительным господством немецкого языка и культуры. Поэтому при сравнительном анализе этих языков мы нередко сталкиваемся с явлением, когда этимологически общее слово в одном языке является стилистически нейтральным, а в другом представляет собой периферийное явление, стилистически маркированное. Параллельная территориальная (локальная), стилистическая и временная (хронологическая) ограниченность сферы употребления того или иного слова объясняется тем, что все маркированные члены данной оппозиции входят в ненормированную речь [3]. С этой точки зрения общие лексемы в родственных языках могут различаться:

- 1) по сфере употребления;
- 2) по функционально-стилистической характеристике;
- 3) по принадлежности к активному или пассивному запасу.

Лексика любого языка, в том числе русского и чешского, с точки зрения ее употребления неоднородна. Важнейшим пластом лексики, ограниченным по сфере употребления, является диалектная лексика. Отдельные лексемы в процессе исторического развития языка оказываются вытесненными другими лексемами из общего употребления, при этом сохраняясь в его диалектах. Список подобных слов, образующих дихотомию «диалектное в одном языке» – «общеупотребительное в другом», как правило, довольно

обширен. В русском и чешском языках она, в частности, представлена наименованиями животного мира. Так, только в диалектах чешского языка сохранилось общеславянское наименование кукушки – *kukička*. Русскому же языку оно всегда было известно в качестве стилистически нейтрального [8, с. 70]. Среди праславянских лексем, известных только на периферии чешского языка, встречаются также и другие наименования животных: *kurica*, *jeř*, *kot*. Их формальные русские корреляты, или «стилистические проксиматы» [5, с. 269], *курица*, *ёж*, *кот* являются стилистически нейтральными.

Среди праславянских имён, которые сохранились в чешском литературном языке, а в русском были оттеснены в диалекты, оказалось значительное число лексико-семантических групп слов, включающих в себя круг понятий, охватывающих все сферы жизни человека. Среди них обнаруживаем следующие ЛСГ:

- 1) наименования животных и насекомых: рус. *когут* – чеш. *koňout*; рус. *язвец* (*язвица*) – чеш. *jezevec* и др.;
- 2) наименования одежды: рус. *кабат* – чеш. *kabát*; рус. *ноговицы* – чеш. *nohavice*; рус. *кошуля* – чеш. *košile* и др.;
- 3) лексемы, связанные с обозначением еды: рус. *еденье* – чеш. *jedenn*; рус. *напой* – чеш. *npoj*; рус. *снѣданье* – чеш. *snědaně* и др.;
- 4) ландшафтная лексика: рус. *болотина* – чеш. *blatina*; рус. *копец* – чеш. *korces*; рус. *котлина* – чеш. *kotlina* и др.;
- 5) агентивные имена: рус. *котляр* – чеш. *kotlář*; рус. *дударь* – чеш. *dědar*; рус. *ковач* – чеш. *kováč* и др.;
- 6) предметы домашнего обихода и быта: рус. *било* – чеш. *bidlo*; рус. *копало* – чеш. *kopadlo*; рус. *махало* – чеш. *tachadlo* и др.;
- 7) термины материальной культуры и быта: рус. *коло* – чеш. *kolo*; рус. *борошня* – чеш. *bráňna* и др.;
- 8) наименования частей жилища: рус. *стрѣха* – чеш. *střecha*; рус. *кут* – чеш. *kout* и др.;
- 9) абстрактные имена существительные: рус. *новина* – чеш. *novina*; рус. *гадка* – чеш. *hádka*; рус. *брекот* – чеш. *břínkot* и др.;

10) названия растений: рус. *копёр* – чеш. *korpr*; рус. *елица* – чеш. *jedlice* и др.;

11) *nomina loci* (обозначения места): рус. *лазня* – чеш. *lázey*; рус. *курник* – чеш. *kurpnik*; рус. *млин* – чеш. *mlén* и др.

Функционально-стилистическая дифференциация лексики соответствует делению литературного языка на две подсистемы: книжную и разговорную. В соответствии с этим мы выделяем следующие стилистические дихотомии:

1) «книжное» (с маркировкой «книжное» и «высокое») в одном языке – «нейтральное» в другом;

2) «сниженное» (разговорные и просторечные лексемы) в одном языке – «нейтральное» в другом.

Общеславянская лексема *чаша*, сохранившаяся в чешском языке (*šáľa*) только в составе книжной лексики, служит примером корреляции «книжное» в чешском – «общеупотребительное» в русском. В русском языке в значении «округлый сосуд вообще» она является стилистически нейтральной [4]. В то же время слово *чаша* функционирует как архаизм для обозначения старинного сосуда для питья вина [12; с. 10,795]. Это же значение данной лексемы привело к появлению в русском языке таких устойчивых словосочетаний, как: *пить горькую чашу* («испытывать несчастья»), *испить смертную чашу* («умереть»). Оба сочетания в связи с использованием в них слова *чаша* в переносном значении приобрели высокую стилистическую окраску. Отметим, что Д.Н. Ушаков в отдельные поэтические значения выделяет семемы «пиршественный сосуд для вина» и «символическая мера чего-то» [12]. Кроме того, лексема *чаша* получила и специальное значение в современном русском языке. *Чашей* называют большой естественный или же искусственный резервуар для воды [4].

Такие абстрактные имена существительные, как *peđuh* и *něha*, обозначающие болезнь и нежность в чешском языке, являются стилистически нейтральными и представляют собой пример обратной дихотомии: «книж-

ное» в русском – «общеупотребительное» в чешском. То же самое касается и общеславянской лексемы *ňadro*, которая в чешском языке служит для обозначения пазухи и никак стилистически не маркирована [13, с. 308]. В русском же языке формально соответствующее ей слово *недра* отмечено словарями как книжное [12; 4].

Особенностью стилистических систем как русского, так и чешского языков является наличие в них особой категории поэтизм, которая представляет собой пласт экспрессивно окрашенных слов в рамках книжной лексики. Как известно, на стилистическое членение словарного состава русского языка оказало сильное влияние наличие в его составе церковнославянизмов, которые стали дублетами исконно русских образований. При определенных фонетических расхождениях они имели одинаковую семантику с русскими словами. Одним из законов развития языка является расподобление дублетных образований, выражающееся в их семантической или стилистической дифференциации. В результате этого процесса церковнославянизмы в русском языке перешли в разряд высокой, поэтической лексики и лишились тем самым своего прямого, номинативного значения. К традиционно-поэтическим относятся в современном русском языке, к примеру, такие лексемы праславянского происхождения, как *уста*, *чело*, *очи*, *перси*, *рамена*, *секира*, вытесненные из активного словарного состава их синонимами. Чешские *vsta*, *čelo*, *oči*, *prs*, *ramena*, *sekera* по своим семантико-стилистическим характеристикам эквивалентны русским нейтральным *губы*, *лоб*, *глаза*, *грудь*, *плечи*, *топор*.

Одной из причин возникновения обратной дихотомии «поэтическое в чешском языке» — «нейтральное в русском языке» явилось то, что создание стилистической системы чешского языка было связано с периодом чешского национального возрождения начала XIX века, который ознаменовался активным пуристическим движением. Процесс интенсивного пополнения словарного состава

ва чешского языка в тот период времени характеризуется ориентацией на русский язык, в основном, язык произведений русской классической литературы начала XIX века. В тот период были не только заимствованы слова из русского языка в целях архаизации текста, но также возрождались собственные архаизмы, которые имеют русские параллели. Они использовались в качестве поэтических синонимов общеупотребительных слов, что активно способствовало формированию поэтического пласта лексики в чешском литературном языке. Именно поэтому отдельные русизмы, которые вошли в то время в чешский язык или были восстановлены в нём под влиянием русского языка, до сих пор сохраняются в качестве поэтических слов. В русском языке они известны как общеупотребительные. Так, сохранились на периферии чешского языка как книжные, поэтические такие лексемы, как *luna* (нейтральное *měsíc*), *ret* (нейтральное *řsta* ‘рот’), *ljiže* (нейтральное *krk* ‘шея’) и многие другие [13]. Их русские корреляты являются стилистически нейтральными (*луна*, *рот*, *шея*).

Функционально-стилистическая дифференциация лексики представлена также дихотомией «сниженное в одном языке» – «общеупотребительное в другом», являющейся одним из важных аспектов стилистического рассмотрения, так как охватывает большой пласт лексики. В русско-чешском языковом пространстве нередко случаи, когда чешским стилистически сниженным (разговорным и просторечным) вариантам, к тому же в большинстве случаев экспрессивно окрашенным, соответствуют русские нейтральные корреляты. Примером такого рода стилистических соответствий может служить общеславянское слово *губа*, имеющее в современном русском языке значение ‘кожаная складка, образующая край рта’. Чешское же *huba* со временем вследствие метонимического переноса стало наименованием пасти животного, и затем переносно, экспрессивно, грубо – рта человека. В качестве нейтрального обозначения губы в чешском языке существует слово *ret*.

Процесс перехода имён существительных в разряд разговорной и просторечной лексики является определяющим для современного этапа развития русского литературного языка. Однако лексемы, которые в русском языке стали принадлежностью разговорной лексики, нередко в чешском языке сохраняют стилистическую нейтральность. В качестве примера дихотомии «стилистически сниженное» в русском – «общеупотребительное» в чешском можно привести следующие параллели среди агентивных имён существительных праславянского происхождения: рус. *девушка* (разг. и прост.) и *дэвушка* (нар.-поэт.) – чеш. *děvice* (‘девушка’) (книжн.), рус. *дэд* (разг.; прост.) – чеш. *děd* (нейтр.), рус. *молодэц* (разг.) и *мóлодец* (нар.-поэт.) – чеш. *mládec* (‘парень, молодой человек’) (нейтр.), рус. *лекарь* (прост. и устар.) – чеш. *lůkař* (нейтр.) и др.

Слова, восходящие к общему праславянскому источнику в русском и чешском языках, территориально, социально или стилистически ограниченные в одном из языков, вступают в оппозицию с их нейтральными соответствиями в другом одновременно и по принадлежности к активному или пассивному словарному запасу с точки зрения их устарелости. Лексические единицы, вышедшие из активного употребления как устаревшие, могут выступать в качестве экспрессивных средств языка, так как «одни и те же экспрессивные краски могут накладываться на совершенно различные по своему функционально-стилистическому характеру высказывания» [2, с. 18].

Примером дихотомии «устаревшее в чешском языке» – «общеупотребительное в русском» является общеславянское *rozluka*, ныне малоупотребительное в чешском языке в значениях ‘расставание’, ‘прощание’, а также ‘развод’ [13, с. 710]. В русском же языке данная лексема всегда была широко употребительной и стилистически нейтральной [7, с. 208; 9, с. 366].

С другой стороны, в чешском языке в качестве стилистически нейтральных и общеупотре-

бительных сохранилось значительное число праславянских лексем, устаревших в русском и переместившихся в пассивный запас. Примером может служить праславянское слово *lotec*, хорошо известное носителям чешского языка как наименование рабочего, трудящегося в каменоломне [13, с. 263]. Носителям русского языка в настоящее время незнакомо это слово, хотя в древнерусском *ломецъ* широко употреблялось для обозначения того, кто выламывает породу, строительный камень [6, с. 279].

Словники современных славянских литературных языков с точки зрения стилистической характеристики имеют много общего, однако семантико-стилистическое тождество в лексиконах разных славянских языков не настолько типично, насколько может показаться на первый взгляд. Эквивалентные лексемы очень часто различаются как по стилистической окраске, так и по коннотациям. Стилистические изменения праславянской лексики, в том числе и имён существительных, регулярны, но характер стилистического развития общеславянских лексем, является национально специфичным, что и ведёт к лексико-стилистической асимметрии современных славянских языков в использовании праславянского лексикона.

Генетическое тождество славянских языковнепредполагает ихполногокачественного совпадения. Та или иная общая тенденция, которая отчётливо проявляется в одном языке, может быть гораздо менее выражена или совсем не выражена в другом. Это касается, к примеру, перехода церковнославянских слов в разряд поэтической лексики в русском языке и отсутствие этого в чешском. Вместе с тем нужно заметить, что древнейший словарный фонд славянских языков, претерпев разного рода стилистические и коннотативные изменения, сохранился в значительном объёме как в русском, так и в чешском языке.

Сопоставление семантико-стилистических изменений общей лексики русского и чешского языков способствует не только выявлению конвергентно-дивергентных отношений их лексиконов, но и ещё раз утверждает в мысли

о значимости создания типологической характеристики лексиконов славянских языков с точки зрения стилистики, которая должна показывать «соотношение нейтральной и стилистически маркированной лексики в лексиконе и в тексте, своеобразии стилистической маркированности лексики» [11, с. 43]. Это будет способствовать созданию лексической типологии славянских языков в целом и их типологическому изучению вообще.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балли Ш. Французская стилистика. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 384 с.
2. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М.: Высшая школа, 1981. – 320 с.
3. Маркова Е.М. Структурно-семантические и стилистические особенности общеславянской лексики русского языка: (В сопоставлении с чешским языком): дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1990. – 265 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovopedia.com/4/192-0.html> (дата обращения: 30.08.2011).
5. Правда Е.А. К вопросу о сходно-различных явлениях в параллелях славянских языков // Русский язык в системе славянских языков: история и современность (выпуск III). Сборник научных трудов. – М.: Издательство МГОУ, 2009. – С. 266–270.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1981. – Вып. 8. – 346 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1995. – Вып. 21. – 282 с.
8. Словарь русского языка XVIII века. – Л.: Наука, 2000. – Вып. 11. – 256 с.
9. Словарь современного русского литературного языка. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – Т. 12. – 843 с.
10. Словарь современного русского литературного языка. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1965. – Т. 17. – 1068 с.
11. Супрун А.Е. Лексическая типология славянских языков. – Минск: Из-во БГУ, 1983. – 47с.
12. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovopedia.com/3/192-0.html> (дата обращения: 25.08.2011).
13. Česko-ruské slovník / Pod vedením K. Horbálka, V. Plka, L. Kopeckého. Praha: Státní Pedagogický nakladatelství, 1958. 1302 s.